

СЕССИЯ 5. Украинский кризис и будущее евразийской безопасности

ФЕДОР ВОЙТЛОВСКИЙ

Украинский кризис продолжается уже 10 лет, он прошел различные фазы: мы видели действия Киева на Донбассе, попытки урегулирования в рамках Минского процесса, его провал и фактический отказ Киева от участия в реальном политическом урегулировании; мы видели роль Вашингтона, который фактически не поддержал Минские соглашения и сделал все для того, чтобы они не были реализованы; мы наблюдаем СВО, на которую была вынуждена пойти Россия; также попытки другого урегулирования – Стамбульский формат, который имел шансы стать форматом политического урегулирования. Еще одна серьезная попытка мирного урегулирования была сорвана при участии Великобритании и Вашингтона.

Цель конфликта – причинение максимального ущерба России, в ее контексте на Украину поступают западные образцы вооружений, многие из которых не могут действовать без непосредственной поддержки и участия НАТО. Налицо фактическое использование Украины в качестве прокси против России, в этом ключе также оказывается экономическое санкционное давление, информационное противоборство.

Возникает вопрос – каким образом может быть найден выход из этого тупика и кризиса, в котором находится ситуация, с точки зрения поиска возможных форматов урегулирования, формата выхода из кризиса?

Недавно, в очередной раз, Президент России В.В. Путин представил российское видение форм и подходов к урегулированию украинского кризиса, но фактически ответной реакции на это предложение не поступило.

Как данный кризис будет влиять не только на отношения России и Украины, России и НАТО, но и на евразийскую безопасность в целом и те тенденции, которые развиваются в Большой Евразии, частью которой остается ЕС, Россия и другие страны?

ЕВГЕНИЙ БУЖИНСКИЙ

Что касается влияния кризиса на систему европейской и евразийской безопасности. Европейской системы в настоящее время не существует, что касается евразийской – ее только предстоит создать. Конфликт на Украине является определяющим для отношений России со странами Запада, ЕС, некоторыми другими государствами.

Для нас существует только один сценарий завершения конфликта – достижение всех целей СВО. Они хорошо известны, без решения данного вопроса никакие промежуточные варианты не приемлемы. На поле боя у России сейчас оперативная и стратегическая инициатива. Медленно, но верно российские силы продвигаются. Как военному человеку мне бы, конечно, хотелось реализации классической наступательной операции с направлением главного удара, нескольких второстепенных, с классической огневой подготовкой и решительным продвижением вперед с целью освобождения тех территорий, которые входят в цели СВО. Но любое крупное наступление – это высокие потери. Для нас жизни людей – высший приоритет.

Эскалацию осуществляет исключительно Запад: поставки все более дальнобойного оружия, теракты, призывы к ударам вглубь по территории России. С нашей стороны осуществляются удары по объектам энергетической инфраструктуры, что имеет очевидные эффекты и результаты. По оценкам украинцев, до 80% соответствующих мощностей потеряны. Однако остаются вопросы о причинах сохранения транспортной инфраструктуры, мостов, железных дорог, туннелей, морских портов. Киев фактически живет в ритме мирной жизни.

Учитывая цель, которую формулирует Запад – нанесение неприемлемого стратегического ущерба, по моему мнению, мы должны действовать более активно. Хорошо известны места производства безэкипажных катеров и аппаратов, необходимо разрушение портовой инфраструктуры, это было бы адекватным ответом на те действия, что предпринимает противник. То же можно сказать по поводу применения иностранных БПЛА разведывательного и других типов вблизи Крыма – это недопустимо, нужно сбивать такие объекты. Это шаг в сторону эскалации, но нужно идти на этот шаг. Исторические

прецеденты есть. Нужно сделать соответствующее заявление и взять воздушное пространство под контроль, за исключением территорий Болгарии Румынии и Турции.

Касательно ядерной эскалации – контролировать ядерный конфликт практически невозможно. Только у американцев есть идея о возможности применения ЯО на отдаленных ТВД. Это иллюзия. Любое прямое столкновение США и России завершится применением стратегического ядерного оружия. Эффект от такого обмена ударами даже трудно прогнозировать. Владимир Владимирович Путин говорил о возможности применения ЯО с нашей стороны, но это крайнее средство.

Какие сценарии или модель завершения конфликта? Существует расхожее мнение о том, что все войны завершаются за столом переговоров. Если посмотреть на этот вопрос с российской исторической точки зрения, то это неправильно, вся наша история войн свидетельствует о том, что все столкновения всегда заканчивались капитуляцией стран и коалиций, с нами воюющих. Конечно, были и неудачи, но все же. Иными словами, сценарий завершения конфликта – достижение всех целей СВО. Если говорить о том, с кем вести переговоры? – Только с США.

ОЛЬГА ОЛИКЕР

С точки зрения европейских стран, США и Канады – нападение России на Украину в 2022 г. заставило страны НАТО, ЕС думать о России как об угрозе для НАТО как в коллективном, так и персональном плане. Балтийские страны позиционировали действия России как угрозу. Вслед за этим начались разговоры о необходимости сдерживания России.

Война России против Грузии в 2008 г., затем присоединение Крыма в 2014 г., поддержка боевых действий на Востоке Украины – все эти события показывают, какой угрозой является Россия, в этом контексте для стран Балтии иных доказательств не потребовалось. С 2022 г. страны обменялись мнениями о том, что Россия представляет угрозу.

Возникает вопрос – почему события на Украине пошли именно таким образом? Украина не была членом НАТО, более того, стало очевидно, что

Россия не собирается проявлять агрессию, тем не менее все эти действия были восприняты как угроза для НАТО. Москва потребовала ограничения обороноспособности НАТО в отношении своих восточных партнеров. При этом Россия не создавала прецедентов ущемления маленьких стран. Также не происходит возврата к границам СССР.

Я не думаю, что было необходимо напоминать восточным странам о том, что конфронтация с Россией будет представлять ядерную угрозу. Если мы не собираемся использовать ЯО, зачем так много говорить о нем?

Говорилось о возможности использования Украиной грязной бомбы. Если бы Украина предприняла что-то такое, то Россия бы ответила. То есть, если существуют угрозы применения ЯО – последуют ответные действия. Мы видим, что Россия не будет осуществлять боевые действия против других стран, если ядерное оружие будет применено на Украине – последствия неизвестны.

Говоря об агрессии России на Украине, необходимо помнить о близости НАТО к границам России, следовательно, НАТО также должна быть готова для возможной эскалации. В НАТО уверены, что Россия признает и понимает тот факт, что дальнейшее движение приведет к эскалации. Уже сейчас это приводит к росту военных потенциалов.

Конфликт длится уже 2,5 года, для России в нем есть как взлеты, так и падения, в будущем мы увидим, как это будет влиять на развитие событий. Если рассматривать театр военных действий, то можно отметить, что у России более выгодное положение, украинцы это понимают. Каждая из сторон будет использовать все возможные преимущества. Хотелось бы, чтобы компромисс был найден – Россия рассчитывает на истощение, Украина на политические решения, но также и на истощение России.

Вопросы, которые будут определяться после окончания войны – кто будет под зонтиком НАТО и будет ли наращивание потенциалов, которые смогут повлиять на повышение рисков. Эти трудные для разрешения вопросы, гарантий полной безопасности не существует, включая даже угрозу ядерной безопасности. Я бы не рассчитывала на скорое разрешение конфликта.

Модератор:

В Грузии не Россия начала конфликт. Что касается украинского кризиса, то стоит отметить, что в течение восьми лет Россия терпела истязания со стороны киевского режима, поддержку Парижем, Берлином и Вашингтоном. Восемь лет со стороны России продолжались поиски ключей к политическому урегулированию конфликта. Военные действия были вынужденной мерой.

Мы не видим предпосылок для начала боевых действий в отношении стран НАТО, для этого нет даже каких-либо экономических или политических мотивов. Украина является ареной опосредованного противоборства. Кроме того, при постановке вопроса о «нападении» России на кого бы то ни было, стоит вспомнить о действиях США в Афганистане, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии – не только Россия может рассматриваться как причина угроз.

ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ

Текущая тема самая главная и насыщенная. Говоря об Украине, мы уходим от многих других острых вопросов. Представленное сегодня западное видение конфликта показывает ментальное расхождение в наших восприятиях. В этом контексте необходимо обратить внимание на два аспекта: изменился формат использования ядерного фактора, теперь это не средство сдерживания, а что-то другое – это связано с тем, что мы имеем дело с иным характером войны как таковой. Даже специалисты не имеют окончательного представления о том, что это за тип войны. События на Украине важная, но далеко не главная и не единственная компонента такого нового противостояния. Сейчас также предпринимаются другие типы силового воздействия, например экономические.

Второе, что следует из выступления Ольги – до какой степени по-разному мы воспринимаем понятие историзма. В США была черта – окончание холодной войны и все что случилось после – все было правильно. В России история воспринимается иначе, она продолжается и, следовательно, события на Украине есть продукт долгого развития, можно по-разному воспринимать происходящее, но нельзя это игнорировать.

Общим местом стало говорить о том, что мы живем в переломные времена, но это действительно так. Степень глубины трансформации между системами беспрецедентная. С распадом СССР был утрачен внутренний баланс, однако система осталась и ее попробовали переиначить под американское доминирование. Однако необходимо понимать, что те институты были созданы для другой эпохи, в новых условиях их деятельность оказалась неэффективной. Сейчас эти институты уходят, и мы оказываемся в открытом пространстве, неясно куда все может двинуться дальше, прежние пути в этом плане отсутствуют.

Украинский кризис – не начало нового этапа международной системы, а завершение предыдущего.

Значимость конфликта невероятно велика, но, наверное, не следует считать, что именно от него зависит будущее мироустройство.

Так, конфликт на Ближнем Востоке даже в большей степени влияет на все происходящее. При этом инерция восприятия происходящего сводит все к Украине.

С кем договариваться? Усилиями Европы и США кризис возведен в масштаб мирового. Если так, то говорить нужно не с Украиной, ей просто не повезло, что ситуация сложилась именно таким образом. Это гарантирует максимум проблем для его разрешения: историко-культурный аспект конфликта – продукт распада СССР в том варианте, в каком это случилось. Это важный фактор конфликта, который все запутывает и усложняет.

Второй фактор – выступивший главным импульсом – тема европейской безопасности и тех дисбалансов, которые возникли после окончания холодной войны. Принятая в 1990-м г. система европейской безопасности имела простую формулу: чем больше НАТО, тем безопаснее, то есть НАТО и есть безопасность. От того момента до нынешнего можно прочертить прямую линию. Организация не справилась с поставленной задачей. Результат – проблемы евробезопасности и культурно-исторические аспекты. Попытка отделить одно от другого были предприняты в Стамбуле, но они провалились. Как обсуждать кризис в контексте европейской безопасности – непонятно.

Еще более широкий вопрос, чем украинский кризис – безопасность евразийская, но это понятие еще только предстоит сформулировать. Главное отличие будущей евразийской системы безопасности от прошлой – в том, что это не про военно-политическую безопасность, речь о развитии устойчивости и возможностях взаимодействия, то есть о вопросах развития общества, экономики, экологии, климата, воды – всего, что обеспечивает существование государств. Евразийская безопасность должна строиться на новых принципах, диаметрально противоположных тем, что сложились в годы холодной войны.

Модератор:

Серьезная проблема европейской безопасности в том, что она не была инклюзивной, не включала Россию. В рамках построения ее архитектуры обсуждались вопросы пограничных стран, но не учитывались вопросы безопасности России, и это одна из ключевых проблем, которая привела к украинскому кризису. Институты, которые должны были бы обеспечивать диалог в сфере безопасности либо работают, либо работают не эффективно. Так, формат Россия–НАТО прекратил свое существование, ОБСЕ тоже не выполняет своих функций.

ТОМАС ГРЕМИНГЕР

Россия и Запад должны использовать все доступные каналы для обсуждения существующих вопросов. Нарратив, который будет озвучен в моем выступлении, может не соответствовать вашему пониманию вопроса.

Украинский кризис и будущее европейской безопасности – абсолютно взаимосвязанные элементы.

Можно говорить о четырех уровнях конфликта, которые требуют решения, конфликта, который длится уже около 25 лет.

Как построить систему безопасности в Европе? Даже если использовать только двухуровневый анализ и говорить про конфликт на Украине и систему безопасности – этого все равно будет недостаточно. Происходят другие кризисы: Ближний Восток, США и КНР, напряженность проявляется во многих сферах.

Существует также конкретный уровень обстановки в рамках действующего театра военных действий – ситуация только кажется статичной, на самом деле она очень динамичная. Эскалация имеет как вертикальное, так горизонтальное измерения. Для прекращения эскалации боевых действий должны быть осуществлены какие-то меры, направленные на повышение доверия – посыл сигналов, которые были бы значимы для сторон.

Если вы выражаете готовность к миру, то это может восприниматься как слабость. С другой стороны, отсутствие желания вести переговоры эскалирует конфликт. В числе мер, которые могли бы свидетельствовать о готовности к диалогу, можно выделить, например, открытие аэропортов на Украине, возобновление черноморской (зерновой) или какой-то схожей сделки, обмен военнопленными, возврат украинских детей.

Для прекращения конфликта потребуется формализация контактов двух стран, механизмов для обмена пленными, можно использовать опыт СЦКК, который работал ранее. Нужно найти пути решения конфликта.

Учитывая важность военного конфликта, многие страны делают ставку на уменьшение разногласий, нужна новая контактная группа по Украине.

Сейчас сдерживание выступает доминирующим нарративом. Во многих странах рассматривают вопросы обеспечения безопасности с участием или без участия России, я верю, что безопасность с Россией возможна.

Как страны НАТО могут обеспечить собственную безопасность без ущемления безопасности других? Сергей Лавров упоминал о требованиях России по гарантиям безопасности, но и Украина нуждается в таких гарантиях.

Модератор:

Верно, что без завершения украинского кризиса невозможно обсуждение и движение по более широкому кругу вопросов европейской и глобальной безопасности, контроля над вооружениями, мерами доверия.

КОНСТАНТИН БОГДАНОВ

Двойное название сессии – ключ к пониманию того, где нужно искать ответы на вопросы решения украинского конфликта и евразийской безопасности.

Архитектура безопасности представляет вопрос о геометрии и географии путей решения конфликта.

Возникает вопрос, существовала ли в принципе когда-либо евроатлантическая система безопасности? Если речь о модели силового сдерживания – да, в холодную войну она была, но, перейдя в новый формат, евроатлантическая модель сохранила нарратив холодной войны.

В такой системе может быть обеспечена только модель силового сдерживания. Иными словами, для поддержания евроатлантической безопасности нужно было включить Россию в НАТО и ЕС, тогда бы система заработала, но одновременно исказила бы контекст, в результате возникла бы новая систем евразийской безопасности, но предпосылки для такого развития событий не сложились.

Говоря о повороте на Восток, хочется задать вопрос: кто начал этот стратегический поворот? Думаю, что США, во время первого президентского срока Б. Обамы, наработки для такой модели были заготовлены в период второго срока Дж. Буша. Уже тогда было показано, что Евразия формируется как стратегический центр, с географическим центром в КНР, при этом в теневом варианте такой формат уже существовал и рассматривался в советский период. В этой картине мы также видим политику двойного сдерживания. С точки зрения американских интересов конфликтность генерируется не США, с позиций региональных лидеров – именно США. То есть существует две основные точки напряжения. В Европе конфликт уже идет, на второй точке пока нет.

Помимо Украины, также стоит обратить внимание на арабо-израильский, арабо-иранский конфликты, растущую конфликтность в Южно-Китайском море. В этом смысле Украина – размороженный конфликт.

В.В. Путин говорил, что все происходящее на Украине напоминает гражданскую войну – это так и есть.

Если говорить о евразийской безопасности, то нужно говорить о поясе вдоль Евразии и о том, какие конструкции диалоговых региональных платформ потребуются для купирования возможных эксцессов в будущем, в том числе со стороны внешних игроков с использованием ядерного фактора.

Это будет не блоковая безопасность, в условиях многополярности это сложно. Есть ли примеры? Это форматы ШОС и АСЕАН – как образцы обсуждения вопросов безопасности принципиально разными государствами с разными интересами и ментальностями.